

Заходящее солнце, словно догорающий огненный шар, медленно опускалось за горизонт. Когда последние отблески зари угасли, в сумерках потянуло прохладой. Пепельно-серые облака низко повисли над землей, накрыв небосвод, словно невидимый гигантский зонт.

Двое крестьян с коромыслами на плечах шли по большой дороге. Их лица были изрезаны глубокими морщинами, а короткие куртки покрыты слоями заплаток. Спина согнулась под тяжестью ноши, напоминая натянутые луки.

— Ты чего в город везешь? — спросил крестьянин, шедший слева.

— В своем огороде накопал немного ямса, вот, думаю, может, на соль удастся выменять, — вздохнул второй, вытирая рукавом пот со лба.

— Эх, братец, что же это с небом творится? Раньше река всегда полноводной была, мы и горя не знали, когда поля поливали. А сейчас? Русло потрескалось, будто разинуло пасть и жаждет влаги!

— И не говори! Да что там у нас, я слышал, даже в Наньюньтучжоу, в тех краях, где всегда было вдоволь рыбы и риса, в этом году урожая ждать не приходится. Кто знает, когда этим бесконечным бедствиям придет конец...

Вслед за ними на одной лошади ехали двое юношей лет семнадцати. Тот, что сидел впереди, обладал тонкими, благородными чертами лица. Когда он поднимал глаза, длинные густые ресницы, словно вороньи перья, слегка подрагивали, делая взгляд еще более ясным и пронизательным. Выцветший синий халат не выглядел бедным — напротив, он лишь подчеркивал белизну его кожи, напоминающей нефрит. Воротник был застегнут безупречно, открывая изящную шею.

Услышав ропот крестьян, юноша нахмурился и прошептал:

— Стихийные бедствия свирепствуют, народ страдает.

Сидевший позади него парень с дерзким выражением лица крепче сжал поводья и холодно фыркнул:

— Если бы только бедствия... Боюсь, людское зло куда страшнее! Эти вельможи из Бэйданя только и знают, что пировать, им нет дела до страданий простого люда!

...

Миновав обширные пустоши, всадники стали замечать, что селений на пути становится все больше. Вдоль широкой дороги выстроились роскошные особняки, каких они никогда не видели в Шучжоу: резные балки, расписные карнизы, загнутые крыши — все это свидетельствовало о богатстве, разительно отличавшемся от приграничных городков.

Когда они миновали последний горный хребет, перед ними открылся величественный вид. Из земли, словно исполинский дракон, выросла могучая крепость. Высокие башни и бесконечные ряды зубчатых стен безмолвно являли двум уставшим путникам всю мощь империи.

Юноша, державший поводья, хоть и был поражен, постарался сохранить невозмутимость. Он слегка похлопал товарища по плечу:

— Хватит глазеть, Сюй Жуньцин. Впереди ворота, пора спешиваться.

Он первым соскочил с лошади, а затем обернулся и протянул руку, помогая спутнику, которого назвал Жуньцином, спуститься на землю.

— Осторожнее, не упали, — негромко добавил он.

Жуньцин, опираясь на его руку, уверенно встал на ноги и с благодарной улыбкой посмотрел на друга:

— Спасибо тебе, Юньшо. Всю дорогу ты был моей опорой.

Юньшо весело рассмеялся:

— Брось, мы же свои люди! Не мешкай, пойдем скорее в город, я угощу тебя чем-нибудь вкусненьким.

— Хорошо, как скажешь, брат.

Хотя Юньшо был младше Жуньцина, он всегда любил называть себя старшим братом. Жуньцин не возражал, лишь добродушно улыбался, никогда не пытаясь его переубедить.

Они подошли ближе к крепостной стене. В сумерках пепельно-серые кирпичи отливали холодным блеском. Шестиугольный флаг Бэйданя, развевавшийся над башней, казался особенно вызывающим. Под ним стоял отряд солдат с кривыми саблями на поясах. Они оглядывали прохожих, проходящих досмотр у ворот, хищными, как у стервятников, взглядами. Эта сцена в один миг разбила приподнятое настроение юношей.

— Шэнцзин когда-то был сердцем Великой Юнь, а теперь его бесстыдно захватили эти разбойники! Придет день, и я собственными руками сорву этот флаг и верну наше знамя на крепостную башню! — с ненавистью произнес Юньшо, невольно сжимая кулаки.

Жуньцин едва заметно кивнул, но тут же потянул друга за рукав:

— Здесь повсюду шпионы и псы, говори тише, не навлекай беду.

Солдат со шрамом на виске и косичкой на затылке внезапно покосился в их сторону. Его взгляд был полон презрения и тошнотворного высокомерия. Юньшо отвернулся, чувствуя, как

внутри закипает гнев, который, однако, пришлось подавить.

— Стоять! — рявкнул солдат и зашагал к ним.

Юньшо почувствовал тяжелый запах пота, исходящий от него, и невольно поморщился. Солдат грубо толкнул его в плечо и на ломаном языке Государства Юнь, с сильным бэйданьским акцентом, спросил:

— Откуда такие? Чего приперлись?

В глазах Юньшо полыхнуло пламя, но Жуньцин втайне несколько раз дернул его за край одежды.

— Из Шучжоу, на государственные экзамены, — ответил Юньшо, с трудом скрывая отвращение.

— Сколько лет?

— Шестнадцать.

— А этот? — солдат скосил глаза на Жуньцина и с недоброй ухмылкой кивнул на него подбородком.

Юньшо заслонил собой друга и холодно отрезал:

— Это мой сопровождающий.

Такую легенду они подготовили заранее. Жуньцин опустил взгляд и отвел лицо в сторону, избегая сального взгляда солдата.

Юньшо громко кашлянул. Солдат одарил его свирепым взглядом и рявкнул:

— Пропуск есть?

— Да, — сухо ответил Юньшо.

— Чего стоишь? Доставай, покажи господину! — нетерпеливо прикрикнул солдат.

Видя, что Юньшо стоит, сжав челюсти, Жуньцин достал из тюка пропуск и протянул его.

— Помощник судьи? — солдат мельком глянул на документ и снова смерил Юньшо взглядом. — Всего лишь мелкий чиновник шестого ранга. В столице от таких проку мало! — тон его стал

чуть мягче, но презрение никуда не делось.

В документе было четко прописано, что дядя Юньшо — помощник судьи в Шучжоу, чиновник шестого ранга. Но Шэнцзин был полон столичной знати и высокопоставленных лиц, поэтому солдат явно не ставил подобные чины ни во что.

Он швырнул пропуск обратно и потянулся к лошади Юньшо:

— Хорошая кобылка, откуда взяли?

— Подарок дяди моего господина, — опередил Юньшо Жуньцин, опасаясь неприятностей.

Юньшо помрачнел, увидев, как солдат бесцеремонно гладит гриву коня. Чистокровный белый скакун беспокойно мотал головой, фыркая.

— Ишь, хороша, — в глазах солдата блеснула жадность. — Неужто помощник судьи шестого ранга может позволить себе такую дорогую лошадь? Небось украли!

— А ну, не трогай моего коня! — рявкнул Юньшо, едва сдерживая ярость.

— Ты что сказал? Повтори! — солдат подался вперед, на лице его заиграла злоба.

Юньшо, чеканя каждое слово, ответил:

— Хорошо, повторяю! Слушай внимательно: не трогай мою лошадь!

Солдат побагровел, глаза его едва не вылезли из орбит, рука потянулась к рукояти сабли.

Жуньцин подумал: Беда!

В этот момент в толпе перед воротами началось движение. Старший стражник что-то крикнул солдату с косичкой на бэйданьском языке, по-видимому, приказывая ему вернуться в строй.

Солдат с досадой отпустил рукоять сабли, бросил на Юньшо яростный взгляд, выругался на своем языке и неохотно побежал к остальным.

В центре суматохи оказался крестьянин с тесаком на поясе.

— В городе холодное оружие запрещено, при чем тут я? — крестьянин крепко прижимал ножны к себе. — Это же просто инструмент, от деда остался, мы в деревне им дрова рубим, от волков защищаемся! С какой стати я должен вам его отдавать?

Солдат был непреклонен. Он ткнул пальцем в объявление, расклеенное у ворот:

— В правилах черным по белому написано: вход в город с оружием запрещен! У тебя что, глаз нет или читать не умеешь?

Юньшо и Жуньцин обменялись встревоженными взглядами. У Юньшо в подкладке багажа был спрятан короткий меч. Он лихорадочно соображал, как избежать обыска.

Крестьянин в сердцах топнул ногой:

— Нож-то всего пять-шесть дюймов, разве это оружие?

Командир стражи насмешливо усмехнулся:

— Пять дюймов или десять — неважно. Неужели я стану делать исключение для деревенщины вроде тебя?

Лицо крестьянина побледнело, он крепче вцепился в рукоять. Солдаты за спиной командира дружно выставили копья, холодно глядя на него. Окружавшие их люди испытывали гнев, но никто не решался вступить в спор.

В наступившей тишине Юньшо, не выказывая страха, выступил вперед и громко обратился к командиру:

— Господин офицер, я восхищаюсь вашей строгостью при исполнении закона. Но крестьянин носит нож лишь для того, чтобы рубить дрова или защититься в дороге, это его средство к существованию. Это совсем не то, что копья, мечи или луки, о которых говорится в ваших правилах.

— К тому же в правилах сказано, что предметы повседневного обихода запрет не затрагивает. Если вы проявите снисходительность, это покажет милосердие властей к народу, и люди будут вам благодарны. Разве это не благо?

Толпа одобрительно загудела. Командир на мгновение смешался, его лицо выражало сомнение.

— Опять ты! — завопил солдат с косичкой, направляясь к ним. Он уже открыл рот, чтобы обругать юношу, но его прервал спокойный, чистый мужской голос, раздавшийся рядом с Жуньцином:

— Что здесь происходит?

Хотя в голосе слышался легкий бэйданьский акцент, он был ближе к наречию Государства Юнь. Юньшо и Жуньцин с любопытством обернулись.

Перед ними стоял статный мужчина на вороном коне. На нем был синий головной убор и алый чиновничий халат с круглым воротом, подпоясанный броским золотым кушаком. Его сопровождали двое или трое слуг.

У него были длинные, густые брови и прямой, гордый нос. Глаза, от природы нежные, сейчас выражали ленивое высокомерие, будто ничто в мире не было достойно его внимания. Несмотря на бэйданьский мундир, он выглядел как истинный сын Срединного государства.

Юньшо узнал его ранг — шестой чин, даже ниже, чем у его дяди. Однако командир стражи вдруг засуетился, низко поклонился и проявил такое почтение, будто перед ним стоял великий вельможа.

— Докладываю господину Сычэню, — с трепетом произнес командир. — Этот крестьянин принес в город нож, по правилам мы должны его изъять. А этот абитуриент пытается его выгородить.

Мужчина, которого называли Сычэнем, посмотрел на тесак и миролюбиво произнес:

— Твой нож ни то ни се, трудно сказать, оружие это или нет. Но в Шэнцзине нет ни диких гор, ни высокой травы, так что он тебе здесь ни к чему. Сделай так: оставь его у ворот, я велю выписать тебе расписку. Когда будешь уезжать, заберешь свое добро. Согласен?

Крестьянин помедлил, кивнул, отвязал тесак и отдал его солдатам.

Мужчина удовлетворенно кивнул и перевел взгляд на Юньшо и Жуньцина. Его тон оставался мягким, но в глазах появилось что-то осмысленное:

— Вы тоже в город? По правилам, багаж тоже нужно досмотреть, не так ли?

Солдат с косичкой, почуяв возможность отыгаться, первым бросился к их вещам. Жуньцин невзначай взмахнул рукавом, и уже через мгновение солдат начал беспрерывно чихать. Он выглядел настолько жалко, что даже его сослуживцы не удержались от смеха.

— Да что за напасть? — ворчал солдат, утирая слезы и сопли.

Юньшо и Жуньцин с трудом сдерживали улыбки, притворяясь невинными. Солдат уже не мог продолжать обыск и, махнув рукой на Жуньцина, прохрипел:

— Ладно, ладно, проваливайте отсюда!

Господин Сычэнь, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за происходящим, на его губах играла загадочная улыбка.

— Погоди, ты не пройдешь, — солдат с косичкой снова толкнул Юньшо.

— Почему?

— Тебя еще не обыскали!

Юньшо, теряя терпение, спросил:

— Почему всех остальных не обыскивают, а меня — обязательно?

— И в самом деле, почему? — с любопытством вставил господин Сычэнь.

— Докладываю господину: этот юнец ведет себя дерзко, возможно, у него недобрые намерения. Я подозреваю, что он прячет запрещенные предметы!

— Документы есть? — спросил Сычэнь.

Солдат протянул ему бумаги Юньшо.

— Цэнь Юньшо... едет на столичные экзамены... дядя — помощник судьи из Шучжоу... Сюй Жуньцин... сопровождающий...

Он закрыл документы, бросил их обратно стражнику и холодно сказал:

— Раз это племянник помощника судьи и он едет на экзамены, проблем быть не должно. Пропускайте.

Солдат замялся:

— Но...

Командир прикрикнул на него:

— Ты смеешь ослушаться приказа господина Сычэня? Совсем ослеп? Хочешь, чтобы я тебя со службы выгнал?

Солдат перепугался и закивал:

— Есть, есть! Пропускаем, пропускаем!

Мужчина на коне неизвестно как оказался за спиной Юньшо и мимоходом слегка коснулся его пояса. Юньшо вздрогнул и резко обернулся, но увидел лишь, как незнакомец невозмутимо подмигнул ему.

Миновав ворота, Жуньцин облегченно выдохнул:

— Испугался я не на шутку. Хорошо, что тот человек помог, иначе нам бы не сдобровать.

Он заметил, что Юньшо мрачнее тучи, и обеспокоенно спросил:

— Что с тобой? Почему ты такой хмурый?

Юньшо не ответил, лишь бросил:

— Подожди меня здесь, я сейчас.

Он быстро зашагал к переулку. Мужчина на коне уже ждал его там, прислонившись к стене, будто знал, что Юньшо придет.

Юньшо подошел к нему и холодно произнес:

— Это ты в суматохе стянул мою вещь, верно? Любишь играть в такие игры? Теперь вернешь?

Мужчина усмехнулся, глядя на него сверху вниз с насмешкой:

— А ты и правда умен, раз так быстро меня нашел.

Он слегка потянул поводья, и лошадь переступила с ноги на ногу.

— Меня зовут Сюнь, по имени Дуань Чэн. Хочешь вернуть свое — приходи сегодня вечером в сад Яньлянь.

Сказав это, он слегка пришпорил коня, и тот грациозной походкой понес его вглубь переулка.

<http://bllate.org/book/19776/1948376>